

Денис Давыдов

Поэт-романтик, вдумчивый прозаик, талантливый военный, отважный партизан – и это вовсе не полный перечень характеристик Дениса Давыдова. Каждая страница его биографии отражает образ достойного сына своего Отечества.

Московское имение Дениса Давыдова

Холерная эпидемия погубила тысячи жизней в странах арабского востока, а летом 1830 года страшная болезнь обнаружилась и в России: 19 июля в Астрахани, 4 августа в Царицыне и спустя четыре дня – в Саратове. Дворянские семьи Пензенской и Симбирской губерний, напуганные эпидемией, устремились в Московскую и другие губернии. В середине августа из Верхней Мазы двинулся и Денис Давыдов с домочадцами в своё подмосковное Мышецкое.

Тогда же в Москву прибыл близкий друг поэта-партизана граф Арсений Андреевич Закревский, недавно назначенный министром внутренних дел и главой Центральной комиссии для прекращения холеры. С его подачи Московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын создал в городе Медицинскую комиссию во главе с профессором М.Я. Мудровым. Сотни студентов-медиков добровольно включились в борьбу с надвигающимся бедствием. Академик М.П. Погодин в письме к профессору Шевырёву заметил: «Вот в таких случаях обнаруживается русский характер».

Когда же холера выявилась в Москве, митрополит Филарет призвал на проповеди в храме Василия Великого: «Исторгнем из сердец наших корень зол – сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь, откажем чувственным желанием. Отвергнем украшения изысканные, ознаменованные легкомыслием и непостоянством. Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра».

Обнаружил свой характер и Погодин, который при газете «Московские ведомости» начал издавать бюллетень под названием «Ведомости о состоянии города Москвы». Здесь сообщались официальные известия о заболеваниях холерой, давались наставления о мерах предосторожности, способах дезинфекции, указывались адреса больниц, правила соблюдения вводящегося карантина. Поэт-сибирянин Николай Языков, обитавший в то время в доме Елагиных-Киреевских у Красных Ворот, одобряя деятельность Погодина, призывал в письме к нему: «Принимайте же решительные меры против холеры. Главное: не робейте...».

29 сентября в Москву пожаловал Николай I, чтобы продемонстрировать презрение к опасности и на месте побудить власти и общество к усилению борьбы с надвигающейся эпидемией. Одним из последствий стало создание карантинной сети вокруг первопрестольной. Насколько эта сеть была прочной, можно судить по письму Александра Пушкина от 30 сентября невесте, Наталье Гончаровой: для того, чтобы попасть из Болдина в Москву, придётся побывать в пяти карантинах, причём в каждом по 14 дней. От такой кошмарной перспективы он пал духом и с грустью заметил: «Наша свадьба, по-видимому, всё убегает от меня, и эта чума с её карантинами, – разве это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать...».

Непростой обстановкой была и в самой Москве. «К Аксаковым я езжу только под окошки, – писал Погодин

Шевырёву. – Все заперлись: Загоскин, Верстовский, как зайцы. Елагины все здоровы; не езжу к ним, чтобы не принести случайно заразы. Для своих пансионеров и семейства я закупил провизии на шесть месяцев, нанял в дом лекаря».

Вот в такой обстановке, когда Москва была оцеплена войсками, университет закрыт и фабрики останавливались, когда обывателям раздавались тревожные Погодинские ведомости, генерал-губернатор Голицын обратился к «почтенным особам» с просьбой о содействии в борьбе с холерой. В ответ на этот призыв был создан Соединённый совет, члены которого взяли на себя надзор и попечение по частям Москвы. Каждому надзирателю участка прикомандировывался доктор – член Медицинского совета.

Уже в одном из первых номеров «холерных ведомостей» появилось сообщение: «Д.В. Давыдов, столь прославившийся в войну 1812 года, принял на себя должность надзирателя над двадцатью участками в Московском уезде». В этот текст вкралась печатка: Денис Васильевич 14 октября возглавил 20-й участок, один из труднейших, ибо его пересекал оживлённый почтовый тракт на Петербург. Как надзиратель Давыдов был наделён правами открывать больничные и карантинные бараки, бани, пункты питания, караульные помещения, места захоронения, принимать пожертвования деньгами, вещами и лекарствами. Штаб свой он расположил в Чёрной Грязи (первой от Москвы почтовой станции), а в

семи верстах, в сельце Мышецкое, находилось его семейство.

Подвижническая деятельность Дениса Васильевича обеспечила резкое снижение числа заболеваний на его участке, и Михаил Погодин в своих «Ведомостях» подчёркивал, что 20-й участок, «надзираемый генерал-майором Д. Давыдовым, является лучшим и образцовым, с коего всем прочим смотрителям надо брать пример».

Неожиданно в один из октябрьских дней к нему в Чёрную Грязь пожаловал Яков Иванович де Санглен, возглавлявший при Александре I тайную военную полицию. Теперь же бывший пройдоха-шпион явился в роли благодетеля, и Давыдов принял его у себя дома.

Во время продолжительной беседы де Санглен проявил такой живой интерес к его мнению по злободневным вопросам общественной жизни, что Денис Васильевич пришёл к убеждению, что французка привела к нему не только холерная эпидемия...

После мучительных раздумий поэт-партизан направил начальнику Московского жандармского округа письмо, в котором без обиняков выразил подозрение о продолжающемся многие годы негласном надзоре за ним. «Я пишу не к окружному начальнику и генералу жандармского корпуса, — пояснил он в начале письма, — а пишу старинному моему приятелю Александру Александровичу Волкову в полной надежде, что он разрешит моё сомнение, или избавит меня от другого подобного случая, или скажет, отчего такая со мной могла случиться неприятность.

Вот дело в чём. Я живу с семейством моим в подмосковной спокойно, уединённо и надзираю за 20-м участком от вторжения заразы. Вдруг на днях приезжает ко мне господин де Санглен, человек известный России со стороны более чем невыгодной и с которым не только что я был знаком, но который по случаю трёх или четырёх мимоходных моих встреч с ним в течение всей моей жизни мог заметить явное моё презрение к его отвратительной особе... В течение вечера и на другой день поутру он явно рассказывал нам о четырёх тысячах жалованья, получаемых им от правительства, о частых требованиях его вами для совещаний и для изложения вам его мыслей и пр., переменял со

мною ежеминутно разговоры, переходя от одного политического предмета к другому, — словом, играл роль подстрекателя и платим был мною одним безмолвным примечанием изгибов его вкрадчивости и гостеприимством.

Наконец я узнал, что на обратном пути, завозя домой в с. Чашниково случившегося тогда у меня помощника моего в надзоре за 20-м участком поручика Специнского, он несколько раз ему повторил, что приезд его ко мне дорого стоит, что он был у меня не для удовольствия меня видеть и пользовался моею беседой...

Разрешите моё сомнение, любезнейший Александр Александрович: если де Санглен только на мой счёт был прислан, то мне остаётся только взглянуть на седой ус мой, в столько тысячах боях окуранный порохом, уронить на него слезу и молчать. Но если этот господин сам собою приезжал тревожить покой честного и семейного человека, то прошу вас, и покорнейше прошу вас, почтить меня официальным, полуофициальным или партикулярным письмом такого рода, чтобы в случае вторичного его ко мне прихода я мог дать ему вашим письмом такой отпор, от которого бы он никогда уж не смел присутствием своим заражать воздух, коим дышит заслуженный и прямой жизни человек».

Генерал Волков не ведал даже о визите де Санглена в Чёрную Грязь и выслал письмо Давыдова в Петербург шефу жандармов А. Бенкендорфу, а тот не замедлил уведомить, что «господин де Санглен столько известен нам, что он ни мною, ни вами употреблён быть не может ни для каких поручений». Но на этом неприятный для Дениса Васильевича инцидент не был исчерпан: друзья сообщили ему, что де Санглен сумел получить аудиенцию у Николая I. Можно было не сомневаться, что старый шпион постарался убедить императора об обоснованности своего мнения о непростительном «либерализме» генерал-майора Дениса Давыдова.

С наступлением холодов эпидемия в Москве прекратилась. 20 ноября Погодин с облегчением сообщил Шевырёву: «Слава Богу, холера в Москве проходит, и город ожил. Ну, брат, посмотрелся, наслушался я всякой всячины в наших Советах. Для отдохновения и освежения принимаюсь за «Овидия». Пётр Вяземский,

пребывавший во время эпидемии в Остафьево, в дневнике тоже отметил конец эпидемии: «В самом деле, любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, к воле всемогущего сказывается здесь решительно... Из всего, из всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революцией».

Холерный карантин был отменён 6 декабря, и въезд в город стал свободным. Перевёз сюда свою семью и Денис Васильевич в снятый около Zubовской площади дом Стрекаловой. В эти же дни, наконец-то, добрался до Москвы из своего нижегородского Болдина и Александр Пушкин, истосковавшийся по Наталье Гончаровой.

Давыдов и Пушкин виделись здесь же, в Москве, в апреле 1829 года. Александр Сергеевич не только хвалил последние стихи Давыдова, но и припомнил, что в молодости под влиянием давыдовской поэзии стал сам писать «круче» и приноравливаться к оборотам поэта-партизана. На исходе 1830 года Давыдов познакомил Пушкина с только что оконченной своей прозаической новинкой: «Замечания на некрологию Н.Н. Раевского», где он перечислил добродетели любимого полководца. Александр Пушкин в письме к Петру Вяземскому от 2 января 1831 года с удовлетворением сообщил: «Денис здесь, написанное им похвальное слово Раевскому так красноречиво, что мы советуем написать ему «Жизнь» его».

Спустя два дня, Пушкин и Давыдов, прихватив общих приятелей — Николая Муханова и Николая Трубецкого, — нагрянули в гости к Вяземскому в подмосковное Остафьево. А 18 февраля Денис Васильевич в числе ближайших друзей Пушкина был гостем «мальчишника», на котором Александр Сергеевич прощался с холостяцкой жизнью. Здесь были П. Нащокин, П. Вяземский, Е. Баратынский, И. Киреевский и Н. Языков — сосед Давыдова по Симбирскому имению. Николай Языков, сообщая родным в Симбирск об участии в пушкинском «мальчишнике», отозвался о Денисе Васильевиче как о человеке «чрезвычайно достойном и любопытном во всех отношениях».

Жорес Трофимов